

**ПСИХОЛОГИЗМ И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТИ
ГЕРМАНА САДУЛАЕВА «ОДНА ЛАСТОЧКА ЕЩЁ НЕ ДЕЛАЕТ
ВЕСНЫ»**
**THE PSYCHOLOGY AND THE CHARACTERISTICS OF THE GENRE IN
THE NOVEL OF GERMAN SADULAEV «ONE SWALLOW DOES NOT
MAKE SUMMER»**

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению повести Германа Садулаева «Одна ласточка ещё не делает весны» в аспекте реализации в произведении лиро-эпического жанра и психологизма. В статье рассматриваются примеры реализации лиро-эпического жанра.

Ключевые слова: лиро-эпический жанр; психологизм; Герман Садулаев; «Одна ласточка ещё не делает весны».

Abstract: The article is devoted to German Sadulaev, «One swallow does not make summer», in the terms of implementing the genre of lyric-epic and the psychology. The paper discusses examples the genre of lyric-epic.

Keywords: the genre of lyric-epic; psychology; German Sadulaev; «One swallow does not make summer».

Психологизм в повести Германа Садулаева «Одна ласточка ещё не делает весны» является художественной доминантой произведения, носит экспрессивный характер и достаточно своеобразен. Автор обращается к психологизму как наиболее уместному приёму, дающему «... глубокое и детальное изображение внутреннего мира героев: их мыслей, желаний, переживаний, составляющее существенную черту эстетического мира произведения» [7].

Повесть имеет выраженное лирическое начало, является лиро-эпическим произведением. Сюжетность в ней обозначена слабо, характерен субъектный синкретизм, «... порожденный нечеткой отчлененностью в фольклорно-мифологическом сознании и тексте „я“ и „другого“, автора и героя, легкостью пересечения субъектных границ...» [10, с. 341]. Субъектный синкретизм усиливает психологизм повести, позволяет связать внутренний мир героя и внешнее пространство жизни воедино, скрыто подчеркивает лейтмотив – трагедию раздвоенности души человека, её отчуждённость от глубинных духовных основ жизни народа и стремление эту отчуждённость преодолеть.

Произведение начинается с фрагмента, построенного в виде версе:

И если сны – так это только сны, они растворятся утром в теплой воде.

И если память – это тоже сны, она растворится в потоке улицы.
И если мысли – они о снах и о прошлом; а снов нет, и прошлое – тот же сон.
И если сердце...

Если сердце не остановится.

Однажды оно остановится.

И я расскажу тебе мою любовь, мой страх, мое одиночество, горечь мою и сладость, мою вину перед тобой, мама [8, с. 8].

Открывая повесть таким фрагментом, автор задает определенный ритм восприятия последующего текста как на формальном, так и на содержательном уровнях. По замечанию Ю. Б. Орлицкого, «... в произведениях больших прозаических жанров версейность выступает или как тенденция, или как организующее начало более или менее протяженного фрагмента» [4, с. 181]. В приведенном фрагменте содержатся те фундаментальные концепты, на которых строится повесть и которые должны быть восприняты читателем: лирический герой упоминает сны, память, мысли как присущие только ему (заметим, что на упоминаемых категориях строится жанр исповеди и, шире, психологический анализ в литературе), затем переходит к сердцу и фундаментальным основам, присущим любому человеку и человечеству вообще: любви, страху, одиночеству, горечи и сладости, вине, и, наконец, матери – как первооснове всего. Герой словно проходит путь от разъединяющих людей деталей к объединяющему началу всего человечества.

Повесть состоит из цепи микроновелл. Новелла, согласно Е. М. Мелетинскому, «... подается сознательно как своего рода фрагмент, осколок универсальной картины мира, предполагающей наличие многих других фрагментов. Отсюда, во-первых, тот же новеллист часто предполагает некое циклическое собрание новелл, рисующих заведомо разные ситуации..., во-вторых, выход за пределы новеллы как фрагмент большого мира часто выражается во вставной серии новелл <...> возникают при этом своеобразная „перекличка“, аналогии и контрасты, уточняющие общий смысл» [3, с. 6]. «Осколочность», заложенная в жанре, отражает психологическое состояние лирического героя; жанр передает фрагментарность внутреннего мира героя, отсутствие универсальности, завершенности.

В повести органично сочетаются эпическое начало исторического прошлого и традиционной культуры чеченского этноса и лирическое начало субъективных впечатлений и переживаний героя. Архетипические символы: Земля, Мать, Родина, Дом, Горы, Небо – составляют «... внутреннее психологическое пространство „свое“, „родное“, „близкое“» [5]. Синкретизм повести выражается в отождествлении лирического героя и божественных сил, воплощенных в символическом образе ласточки и составляющих основу духовности человека – «... и только я напишу о ласточках. Потому что я сам – ласточка. Не федеральный витязь, не святой моджахед, просто ласточка, которая так и не вернулась под крышу родного дома» [8, с. 64], «И перед тем, как все будет кончено,

и свернется шлейф родовой памяти, я увижу себя ласточкой, ангелом на светлом пути» [8, с. 98]. Ласточкой станет и мама героя, ведь «Ласточки – это души предков. Моя мама никогда не умрёт, она станет ласточкой, она прилетит ко мне из далёкой страны, через моря и горы, она будет ангелом, следящим за мной с небес, но близких, очень близких, высотой не более стрехи над моим порогом» [8, с. 22]. Для лирического героя весь мир одухотворен высшим разумом, все, что дает жизнь и олицетворяет её, является матерью. Неслучайно и имя одной из коров – Ласточка («... в нашем дворе две коровы, одна красной масти, ее зовут Зорька, другая – пестрая, Ласточка» [8, с. 55]), корова – «... это мать человека, ведь она выкармливает его своим молоком. У человека семь матерей: та, что выносила его во чреве, земля, страна, кормилица, корова, ласточка...» [8, с. 59]. Убийство коровы отождествляется в сознании героя с убийством матери и является апокалиптическим началом всеобщего безумия.

Мифопоэтическая основа произведения усиливает психологизм повести, является несущим каркасом, составляет ассоциативный фон, благодаря которому «... достигается необычайная смысловая ёмкость и глубина лирического образа» [2, с. 314]. Один из главных мифических образов повести – Мать Тушоли, именно со сжигания чеченскими родами её деревянного тела и начинается вражда: «... и все стали воевать, и даже внутри рода лилась кровь» [8, с. 28]. Тушоли – «... божество, признаваемое всеми чеченцами без исключения, ... имя которого упоминается в клятвах и во всех молитвах, даже если чеченцы молились у другого святилища» [1, с. 131]. Автор не случайно вводит этот образ – ведь «С тем, кто не почитает Тушоли, бывает дурно, непременно приключается несчастье, так как это – дух (Тарам) Божий, указанный одаренными стариками-ясновидцами» [1, с. 132]. Обращаясь к матери, лирический герой обращается и к Матери-Тушоли, способной объединить народ, спасти его от духовной энтропии, возродить былое величие. Именно Мать Тушоли предупреждает о грядущем безумии:

Я расскажу вам про сумасшедших.

Перед войной много сумасшедших появилось в Чечне. Может, ожидание войны породило их, может, сама земля вытекла в них, как янтарная капля смолы обволакивает свежие порезы на дереве, только дерево еще не было порезано. Может, это Мать Тушоли говорила с нами их языком, она послала своих любимых детей, но кто слушал? [8, с. 45].

Образ Матери Тушоли в сознании героя способен помирить его с самим собой, объединить лирического героя с чеченским народом, разделенной и подверженной внешним пагубным влияниям ваххабитов чеченской нацией. Но этот образ способен объединить не только чеченский народ, но и, шире, воюющих и считающих друг друга врагами чеченцев и русских. Образ Матери Тушоли возник в религиозном сознании чеченцев под «... влиянием христианства, донельзя искаженного язычниками» [1, с. 134], само имя божества в переводе означает «Божий лик» [1, с. 134, и изображается со слезами под глазами. Именно поэтому неслучайно сравнение сумасшедших с каплями смолы на порезах дерева как параллель со слезами женского образа Матери Тушоли.

Проблема лирического героя (alter ego автора) – в раздвоенности души. С одной стороны, он – чеченец (и соответственно воспринимается априори как враг федеральными войсками: «... каждый чеченец – боевик, каждый чеченец – враг» [8, с. 44]), с другой – человек русский по образу жизни, в сущности, аналогичному образу жизни любого человека, воспитанного в Советском Союзе, по ментальности, сформированной матерью, русской женщиной, и поэтому враг для «настоящих» чеченцев. Эта раздвоенность уже чувствуется в посвящении матери, Вере Павловне Садулаевой, женщине с русским именем и чеченской фамилией.

Чтобы показать эту разделённость души человека, Г. У. Садулаев избирает особую форму повествования – «осколочную повесть», обращается к человеку «сквозь призму лирического сознания» [6]. При этом «... внутренним стержнем, движущим механизмом художественного целого является лирическое сознание героя, понимаемое как конструктивное ядро лирического мирообраза, определяющего жанрово-стилистические характеристики произведения» [6]. Лирический герой повести смотрит на события войны изнутри; хотя события разворачиваются в разных пространствах (Чечня, Санкт-Петербург), в разных временных пластах (80-е и 90-е годы), сердцем лирический герой находится в самом эпицентре войны, постоянно ощущая обжигающие языки её пламени. Г. У. Садулаев «... пытается осмыслить современность в контексте национальных традиций и обычаев, неизменно подсознательно соотнося происходящее со сложившейся системой морально-этических норм, ценностей и представлений народа, прочно связанных в сознании чеченца о национальном характере» [5].

Дискретность повествования, его экспрессивность обусловлены внутренним состоянием лирического героя:

Я снова пишу. Снова зима, холодно, и я снова пишу. Теперь я пишу много. Знаю, **бессвязно, отрывочно, скомканно, спутанно, разбито, расколото...** Нет сквозного сюжета. **Трудно читать такую прозу, да?** Легче читать сюжетную прозу. Чтобы хотелось перевернуть страничку, узнать, а что было дальше. А что было дальше? [8, с. 80].

В процитированном фрагменте заложена боль лирического героя, его неотделимость от самого автора, надрыв души и вызов, обращенный к читателю и самому себе. Заканчивая повесть, автор поясняет необходимость отказа от традиционного повествования:

Мне всегда трудно писать сюжетную прозу, особенно теперь, когда я детонирую изнутри и готов рассыпаться веером боли. Мне трудно еще и потому, что не нравится заполнять промежутки [8, с. 83].

Вот что говорит о выбранном жанре сам автор: «Документальная составляющая придает тексту достоверность. Без нее останется только рефлексия, «горе от ума», а этого добра и так хватает в современной литературе. Я не говорю ничего нового – все, кто хотел знать, уже знают. Источников информации более чем

достаточно. Моей сверхзадачей было художественное слово. Гибель миллиона людей – статистика. Голая документальность не изменит сознания людей, не заставит почувствовать чужую боль как свою. Только искусство обладает магической силой сообщать человеку прозрение о том, что всё живое во вселенной – едино. И что чужой боли не бывает. Я старался найти соприкосновение документальности и лирики, сплавить их в одном тигле» [9].

Безусловно, автору удалось достичь поставленной цели, показать, что все люди и каждый человек в отдельности объединены общими фундаментальными ценностями, что путь военного решения конфликтов – это путь разрушения цивилизации; избранный жанр и способ – лиро-эпическое повествование и психологизм – наиболее удачны для передачи этой мысли.

Библиографический список

1. Далгат, Б. К. Первобытная религия чеченцев и ингушей / Б. К. Далгат. – М. : Наука, 2004. – 240 с.
2. Лейдерман, Н. Л. Теория жанра : научное издание / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург, 2010. – 904 с.
3. Мелетинский, Е. М. Историческая поэтика новеллы / Е. М. Мелетинский. – М., 1990.
4. Орлицкий, Ю. Б. Стих и проза в русской литературе / Ю. Б. Орлицкий. – М. : РГГУ, 2002.
5. Пономарева, Е. В. Образ дома в контексте национального этнодуховного кода (на материале повести Г. Садулаева «Одна ласточка ещё не делает весны») / Е. В. Пономарева. – Самара : СамГУ, 2009. – С. 209–216.
6. Пономарева, Е. В. Певец темы Родины (новеллистические циклы Г. Садулаева) / Е. В. Пономарева // Литература сегодня: знаковые фигуры, жанры, символические образы : материалы XV научно-практической конференции словесников. – Екатеринбург, 2011.
7. Психологизм в литературе // Литературная энциклопедия терминов и понятий ; под ред. А. Н. Николюкина. – М., 2001. – 1600 стб.
8. Садулаев, Г. Одна ласточка ещё не делает весны / Герман Садулаев // Я – чеченец! – Екатеринбург : Ультра.Культура, 2006. – 288 с.
9. Садулаев, Г. Одна ласточка еще не делает весны / Г. Садулаев // Знамя. – 2005. – № 12. – <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/12/sa2.html> (дата обращения: 21.04.2017).
10. Теория литературы : учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений : в 2 т. / Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман ; под ред. Н. Д. Тмарченко. – Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М. : Академия, 2004. – 512 с.